

3. Кунцевич С.Е. Лингвистическое моделирование современного военно-политического дискурса. – Минск: МГЛУ, 2006. – 235 с.
4. Ухванова-Шмыгова И.Ф. (Ред.) Методология исследований политического дискурса: Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. – Минск: Букинист, 2000. – 736 с.
5. Dijk T.A. van. Ideology and discourse. A multidisciplinary introduction. – Catalunya, 2001. – 64 p.
6. Young M. The Rise of the Meritocracy. – New Brunswick (U.S.A.) Transaction Publishers, 1994. – 180 p.
7. Hölkeskamp K. J. ‚Rekonstruktionen einer Republik. Die politische Kultur des antiken Rom und die Forschung der letzten Jahrzehnte‘ / K. J. Hölkeskamp // The Classical Review, 56, pp. 168–170.

МНОЖЕСТВО ПРИМЕНЕНИЙ ТЕРМИНА «ДИСКУРС»

*Скокова Татьяна Николаевна, доцент, к.ф.н.
Кафедра немецкого языка педагогического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета*

Одной из главных категорий в субъективном речемыслительном отображении в нашем сознании картины мира, в структурировании которой роль основного элемента выполняет концепт, является такой синергетический феномен, как дискурс. Предшествовали современному дискурс-анализу исследования М. Бахтина, В.Н.Волошинова, Р. Якобсона и др. К 70-м годам XX века в зарубежной науке о языке появились работы по лингвистике текста (В. Дресслер, Я. Петефи и др.), труды американских исследователей, объединявших теорию дискурса с лингвистикой (Дж. Греймс, Р. Лангакер, Т. Гивон и др). К 1980–1990-м годам выходят обобщающие исследования таких ученых, как Дж. Браун, Дж. Юл (1983), С. Томпсон, У. Манн (1992), У.Чейф (1994) и др. «Дискурс-анализ, будучи представителем функциональной парадигмы, органично интегрирует достижения и данные всей предшествующей формально-структурной лингвистики. Причем для этого у нее есть свои особенные предпосылки: сама история возникновения дискурс-анализа как самостоятельного научного направления в изучении языка и языкового общения говорит о его глубоких формальных и структурных корнях» [Макаров 2003: 55]. Термин *дискурс* имеет «множество применений», которые перечислены Патриком Серио во вступительной статье к труду «Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса» [Серио 1999: 26]. Одним из применений является понимание дискурса как не первичного и эмпирического объекта, а как теоретического (конструированного) объекта, «который побуждает к размышлению об отношении между языком и идеологией» [Там же: 27]. Идеология (греч. *idea* – идея, вид, образ и *logos* – учение об идеях), в частности, понимается здесь как система идей, которая абсорбируется и адаптируется, по словам М. Хоркхаймера и Т. Адорно, в общепринятых

мыслительных шаблонах, принимаемых большинством. Во французской школе вопрос о дискурсе «явился подлинным узловым пунктом сплетения фундаментальных вопросов об отношениях между языком, историей и субъектом» [Серио 1999: 33]. П. Серио, анализируя статью К. Фука и М. Пешё, останавливается на описании *преконструкта* как следа в самом дискурсе предшествующих дискурсов, «поставляющих своего рода «заготовку», «сырьё» для дискурсивной формации, с которым для субъекта связан эффект очевидности. И здесь следует установить связь между эффектом субъективности, диктуемый языком, и производства значения внутри дискурсивной формации» [Там же: 41]. М. Пешё, П. Анри также доказывают наличие в любом дискурсе следов дискурсивных элементов предшествующих дискурсов, субъекты которых забыты, вводя понятие интердискурса, который не является «ни банальным обозначением дискурсов, которые существовали раньше, ни общей для всех дискурсов идей». По их мнению, интердискурс – это «дискурсивное и идеологическое пространство, в котором разворачиваются дискурсивные формации с их отношениями господства, подчинения и противоречия»; «интердискурс сообщает каждому субъекту свою «реальность» в качестве системы очевидных истин, а также воспринятых, допущенных и испытанных на себе значений» [Там же: 45, 46]. Лингвистический критический дискурс-анализ имеет в своей основе предположение, что устные и письменные тексты «растянуты» в сеть тематически родственных текстов, сплетенную не только в синхронии, но и в диахронии. Такого мнения придерживаются М. Хоркхаймер и Т. Адорно, Ю. Хабермас и др. Последний называет дискурс видом речевой коммуникации, который подвергает критическому анализу ценности и нормы социальной жизни, в результате этого происходит смена одной картины мира на другую. Некоторые представители данного направления берут за основу положения М. Фуко и считают, что дискурс – это форма социальной практики, которая не только отражает социальные отношения, но и конституирует и организует их. (Ср. также: «Es geht um die Frage nach Kontrollmechanismen, was wann wo von wem gesagt werden kann, wer in einem bestimmten Diskurs Deutungsmacht besitzt, wie Ungleichheit geschaffen wird, wie Gegendiskurse (Diskurse, die von den gebräuchlichen Regeln eines Diskurses abweichen) lanciert werden können etc. Dahinter steht die Annahme, dass Diskurse nicht einfach die Wirklichkeit mehr oder weniger adäquat widerspiegeln, sondern dass sie Wirklichkeit schaffen» [Luginbühl, Pantli 2004: 290]. Представитель Дуйсбургской школы З. Егер соединяет в своих исходных дискурсивно-аналитических установках социальные исследования и лингвистику с целью создания дискурсивно-аналитического метода для системного исследования взаимосвязи между деятельностью индивидуумов, их мышлением и речью в конкретных социально-исторических контекстах. С точки зрения дискурсивной теории решающим является понимание текста как фрагментов наиндивидуального, социально-исторического дискурса. Конечное множество фрагментов дискурса или последовательность множества тематически единых фрагментов образуют дискурсивную «нить». Отдельные «нити» соединяются дискурсивными узлами и принятыми в обществе коллективными символами, порождая единый дискурс (З. Егер, 1993). У. Маас считает, что понятие дискурса подразумевает языковую

инсценировку определенной социальной практики (У. Маас, 1984). Важным является выявить отношения между языковыми средствами и конкретными дискурсивными практиками, а также между дискурсивными практиками и социальной действительностью, то есть, по словам Т.А. ван Дейка (1993), в центр размышлений попадают два аспекта: влияние сил на дискурс и действие сил в дискурсе. В австрийской школе особо выделяются работы Р. Водак и Н. Ферклоу, в которых подчеркивается, что при дискурсивном анализе следует выделять три взаимопереплетающихся измерения, а именно: измерение – содержание, измерение – аргументы–стратегии и измерение – языковые средства (слово, предложение, текст) (Р. Водак, 1998), а также то, что система знаний и убеждений, социальные отношения, социальное и личностное тождество конституируются дискурсом (Н. Ферклоу, Р. Водак, 1997). Дискурс в таком смысле видится как сложная коммуникативная реальность, включающая как процесс создания текста, так и отражающая его зависимость от большого количества экстралингвистических условий, факторов, знаний об окружающей действительности и умения говорящего идентифицировать свое Я (И. Кант, к примеру, полагал, что мы не можем иметь знания о мире, если мы не уверены в единстве своего сознания), то есть, личностной и социальной идентичности. Ольденбургская группа ученых применяет для описания дискурса такое понятие, как супертекст (или гипертекст), которое является категорией для описания диалогических и интертекстуальных отношений между отдельными текстами, которые служат нелинейному разворачиванию текста и образуют сеть со сложной организацией. Гейдельбергскую-Мангеймскую школу представляют Д. Буссе, Ф. Германс, В. Тойберт. Критериями принадлежности отдельных текстов к дискурсу, по Тойберту, являются: тема или характерное содержание, время, место, виды текста, их форма, а также интертекстуальные отношения. Подобно мнению Н. Ферклоу, что структурные элементы дискурса представляет собой соединительное звено между текстом и обществом, в нидерландском дискурс-анализе Т. ван Дейка структуры индивидуального и социального знания рассматриваются как посредническая инстанция между языковой и социальной практиками. Задачей критического дискурс-анализа является, согласно социокогнитивному подходу Т.А. ван Дейка, точное описание, объяснение, каким образом дискурсы посредством производства ментальных моделей формируют общее знание, нормы, ценностные установки и идеологию [ван Дейк 1993: 258]. Ментальные модели – это концептуальное представление о различных вещах и их свойствах, а подход к освоению знаний на основе ментальных моделей позволяет построить систему адекватных знаний. Известны дефиниции дискурса таких ученых, как Н.Ф. Алефиренко (2009), Н. Д. Арутюнова (1990), В.З. Демьянков (1982), Караулов Ю.Н., В.М. Петров (1989), В.И. Карасик (2002), Ю.С. Степанов (1995), В.Г. Токарев (2004) и др. Одно из наиболее емких определений дает Н.Ф. Алефиренко: «Дискус – это речемыслительное образование событийного характера в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими, паралингвистическими и другими факторами. Концептообразовательные возможности дискурса обуславливаются самой его природой: образование дискурса обычно вокруг некоторого обобщенного обыденного понятия, в

результате чего создается определенный смысловой контекст, включающий в себя информацию о субъекте (–тах) речемышления, объектах, обстоятельствах и о пространственно-временных координатах» [Алефиренко 2009: 248]. Дискурс нами рассматривается не как эвристический конструкт, а как реальная явление, а именно как специфическая для конкретной культуры речемыслительная сущность, основными структурными составляющими которой являются дискурсивные сферы как обобщающие фрагменты системы, имеющие свою языковую реализацию, одной из основных функций которых является вступать в отношения с концептами или их концептуальными составляющими, результатом взаимодействия становится конституирование действительности и приобретение знания о социально-культурной динамике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко, Н.Ф. «Живое слово» / Н.Ф. Алефиренко. Проблемы функциональной лексикологии. – М.: Флинта. Наука, 2009. – 342 с.
2. Серю, П. Как читают тексты во Франции / П. Серю // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. – М.: ОАО ИГ Прогресс, 1990. – С.12-54.
3. Макаров, М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.
4. van Dijk, T. A. Principles of critical discourse analysis / T.A. van Dijk // Discourse and Society. Vol. 4. – № 2. – P. 249-283.
5. Luginbühl, M., Pantli, A.-K. Textlinguistik/ M. Luginbühl, A.-K. Pantli // Linke A, Nussbaumer M., Portmann P. R. Studienbuch Linguistik. – Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2004. – S. 241-293.

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ ИССЛЕДОВАНИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ В СОВРЕМЕННОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

*Таранова Елена Николаевна, доцент, к.филол.н.
Кафедра иностранных языков и профессиональной коммуникации
института межкультурной коммуникации и международных отношений
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
Таранов Алексей Олегович, студент
Факультет горного дела и природопользования
Белгородского государственного национального
исследовательского университета*

Термины и терминология давно являются предметом пристального внимания лингвистов, которые высказывают различные точки зрения на природу терминов и терминологии. Терминология – одна из фундаментальных категорий любой научной отрасли. Она развивается с развитием самой науки и появлением в ней новых понятий. Каждая отрасль науки вырабатывает свою терминологию в соответствии с предметом и методом своей работы. Свою специальную терминологию имеют самые разные области культуры, искусства и т.д.